

Научная статья
УДК 811.512.37'4
DOI 10.18101/2686-7095-2023-4-51-58

КОНЦЕПТ «НҮҮДЛ/КОЧЕВЬЕ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ КАЛМЫКОВ

© Есенова Тамара Саранговна

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы,
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
esenova_ts@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию понятийного, образного и ценностного компонентов концепта «нүүдл/кочевье», занимающего важное место в картине мира калмыков. Этим определяется актуальность предпринятого исследования. Материал исследования: данные из лексикографических источников калмыцкого языка. Методы исследования: лексико-семантический анализ и лингвокультурологический анализ языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле концепта «нүүдл/кочевье». Результаты: анализ показал, что кочевье в калмыцком языковом сознании соотносится с местом кочевья и связано с идеей передвижения и остановки. Номинантом концепта является имя существительное *нүүдл*. Концепт имеет полевую структуру, ядро образуют обозначения *нүүдл*, *бүүр*, *бууц*, *бэарн*, *зогсал*, *орм*; их дериваты и устойчивые словосочетания, содержащие репрезентанты данного концепта, образуют ближнюю периферию; тексты культуры, ассоциативно связанные с кочевьем, формируют его дальнюю периферию. Образный элемент концепта указывает на обжитое, свое пространство, предназначенное для людей одного рода и животных, принадлежащих данному роду. На высокую оценку кочевья как сакрального пространства указывает ритуализация процесса перекочевки и размещения на новом месте: строгое соблюдение установленных порядков, последовательностей действий, правил коммуникации.

Ключевые слова: кочевье, освоенное пространство, концепт, семантика, движение, остановка, лексико-семантическое поле, ядро концепта, периферия, калмыки.

Благодарности

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Аксиологический аспект картины мира калмыков» (№ 23-28-0790).

Для цитирования

Есенова Т. С. Концепт «нүүдл/кочевье» в лингвокультуре калмыков // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 4. С. 51–58.

Центральным пространственным понятием картины мира калмыков является кочевье. Данному социокультурному феномену, определяющему особенности экономического и хозяйственного уклада кочевых народов, в том числе и калмыков, достаточное внимание уделяют историки [2; 5; 10; 11 и др.], социологи [4; 17 и др.], политологи [6; 12; 13–15 и др.], экономисты [9 и др.]. Следует отметить, что филологи также изучают концепт «кочевье», например, в сравнительно-сопоставительном и лингвокультурологическом аспектах [14]. Лингвистический аспект

исследования предполагает выделение и описание средств языковой репрезентации концепта «кочевье». Цель данной публикации — описание понятийных, образных и ценностных составляющих концепта «нүүдл/кочевье» в калмыцком языковом сознании. Материалом исследования послужили данные из лексикографических источников калмыцкого языка [ТСКЯ; ССКЯ; КРС; ППЗКРОК], языка ойратов Синьцзяна, который наиболее близок калмыцкому языку [СЯОС]. Методы исследования: лексико-семантический анализ и лингвокультурологический анализ языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле концепта «нүүдл/кочевье».

Для описания лексико-семантического поля анализируемого концепта рассмотрим языковые единицы, обозначающие ментальную область «нүүдл/кочевье», что позволит обратить внимание на распределение выделенных единиц относительно ядра концепта. С этой целью из лексикографических источников калмыцкого языка [ТСКЯ; ССКЯ; КРС; ППЗКРОК] методом сплошной выборки были отобраны все средства обозначения данного концепта, которые далее анализировались с целью описания его понятийного содержания. К средствам объективации рассматриваемого концепта мы относим *нүүдл* ‘кочевка, перекочевка’, *буур* ‘кочевье, стоянка, стойбище’, *бууц* ‘стоянка, стойбище’, *бээрн* ‘место’, *зогсал* ‘стоянка’, *орм* ‘место’. В языке ойратов Синьцзяна существует парное слово, обозначающее кочевье, — *бүүре-бууца*. Кочевье наделяется признаком обильный: *бүүре-бууца элвэгтээ байан Хаңһаа нутагтаа* ‘у них богатый Хангай, изобилующий кочевьями’ [СЯОС, с. 89]. Общим семантическим компонентом всех обозначений концепта является ‘место’.

Большинство приведенных выше обозначений образовано от глаголов, передающих семантику движения, перемещения и остановки.

Идея перемещения передается глаголом *нүүх*: 1) ‘кочевать’, ‘перекочевывать’; 2) ‘передвигаться’, ‘переселяться’ [КРС, с. 390]. Эта семантика прослеживается в самых разных контекстах: от бытовых (*манахс маңһдур нүүхэр бээнэ* ‘наши перекочуют’ [КРС, с. 390]; *үддел нутагаан дахуулаад улам цаар нүүгээд бэвээд* ‘вместе с остатками людей своих кочевий стали откочевывать еще дальше’ [СЯОС, с. 256]) до эпических (*хан тер үгинь соңсад, нутган зар тэвэд, нүүв* ‘услышав сказанные слова, хан распространил слух по стране и перекочевал’).

Идея остановки актуализируется следующими глаголами.

Буух — ‘останавливаться, располагаться станом, оседать, располагаться на жительство’: *хама буудвт?* ‘где вы останавливаетесь?’ [КРС, с. 124].

Бээх — ‘оставаться, находиться где-либо’: *энд хавр болтл бээхв* ‘останусь здесь до весны’ [КРС, с. 89].

Зогсх — ‘стоять, находиться’ [КРС, с. 250].

В языке ойратов Синьцзяна у глагола *буух* прослеживается семантика остановки: *теденээхен цуг бүлээрэн холин көвээде буува* ‘они всей семьей расположились на берегу реки’. Показательно, что данный глагол, относящийся к ядру лексической системы монгольских языков, присутствует в фольклорных текстах, например, в сказках: *неге өдер өндөр уулин хормаада бууха гежи харлаа* ‘однажды выехали, чтобы расположиться на жительство у подножия высокой горы’ [СЯОС, с. 83].

Важно и то, что глаголы, связанные с концептом «нүүдл/кочевье», присутствуют в текстах песен, посвященных откочевке части калмыков на историческую родину в Центральную Азию в 1771 г.: *Ижилиин торһууд нутагааса илһерсе гед һарлаа би, Или, Текестээн күрчи буухаар нүүлэ би* ‘я уехал, чтобы отделиться от торгутов реки Волги, я уючавал, чтобы добраться и поселиться на своих Или и Текесе’ [СЯОС, с. 83]. Следует обратить внимание на то, что в сознании ойратов Китая «своя территория» отождествляется с реками Или и Текес, расположенными на территории Китая, а Волга, на берегу которой проживают торгуты (калмыки), — с местом, откуда часть калмыков откочевала в XVIII в. В целом в текстах, посвященных этому историческому событию, перемещение калмыков в Центральную Азию обозначается глаголом *нүүх* и его дериватами. В текстах, посвященных депортации калмыков в Сибирь в 1943 г., этот глагол не употребляется, а используется страдательный глагол *көөгдх* ‘изгоняться, выгоняться’. В глаголе *көөгдх* присутствует сема ‘принудительно’, которая не выделяется в глаголе *нүүх*.

Пространство «нүүдл/кочевье» калмыками осмысливается как освоенная территория, место, которое можно занять, — *бээр ээлх* ‘занимать место, букв. стать хозяином места’ [КРС, с. 89], *орм ээлх* ‘занять место, букв. стать хозяином места’, ‘обосноваться’ [КРС, с. 403]. Это пространство может быть и не занятым: *сул орм* ‘свободное место’. Семантика, связанная с освоением, владением определенной территорией, представляется весьма важной, поскольку в литературе до сих пор обсуждается проблема специфики понимания собственности кочевыми народами [например: 5; 2].

Итак, как показал проведенный анализ, в семантике обозначений концепта «нүүдл/кочевье» присутствуют два элемента: движение и остановка. Кочевье в калмыцком сознании соотносится с местом и непосредственно связано с идеей передвижения: *нег бүүрэс нег бүүрүр нүүдл кех* ‘перекочевка с одного места на другое’. В языке ойратов Китая в понятийном содержании концепта «нүүдл/кочевье» наблюдается приращение смысла ‘поиск’ к значению ‘перемещение’: *ораа болтал бууциин һазараан олха* ‘до наступления темноты найти место стойбища’ [СЯОС, с. 83].

Структура концепта «нүүдл/кочевье»

Номинантом концепта «нүүдл/кочевье» в калмыцком языке является имя существительное *нүүдл* ‘кочевка, перекочевка’, так как данное слово относится к базисной лексике, присутствует во всех монгольских языках с общим значением ‘кочевка’, является стилистически нейтральным словом, не имеющим ограничений в употреблении.

В ближнюю периферию лексико-семантического поля концепта «нүүдл/кочевье» мы относим обозначения, связанные со значениями перемещения и остановки, а именно: *бүүр* ‘кочевье, стоянка, стойбище’, *бууц* ‘стоянка, стойбище’, *бээрн* ‘место’, *зогсал* ‘стоянка’, *орм* ‘место’, а также слова, производные от данных обозначений, например: *бүүре-бууца*.

К дальней периферии концепта мы относим тексты культуры, ассоциативно связанные с идеей кочевья.

Анализ образного компонента концепта «нүүдл/кочевье»

В калмыцком языковом сознании кочевье ассоциируется с местом, где установлена *гер* ‘кибитка’. Это место стойбища калмыка, своя, обжитая, освоенная территория. В это пространство входят также пастбища для скота: *малын бээри* ‘место для пастбы скота, выпас, пастбище’ [КРС, с. 89], места сезонных кочевий, например, *зуна/үвлэ буур* ‘летнее/зимнее кочевье’ или стоянки определенного вида скота, например, *адуна зогсал* ‘место стоянки табуна’.

У калмыков-кочевников, вся жизнь которых связана со скотом, большое значение имели пастбища. Особое значение придавалось месту зимней стоянки, когда *бууре сольаад, намаржандаан оджи бууха* ‘сменив место кочевки, переселялись на зимники’ [СЯОС, с. 89]. Резко континентальный климат степи требовал хорошего укрепления жилища, особенно во время зимних шурганов ‘метели’, стужи, снегопадов. В этот сложный для скотоводов сезон мог случиться падеж скота. К гибели скота мог привести *хар зуд* ‘черный зуд’, когда скот гибнет в безводной местности из-за отсутствия снега зимой; *цаһан зуд* ‘белый зуд’, когда выпадает много снега и скот погибает из-за невозможности добыть корм» [КРС, с. 255]. Поэтому скотоводы особо тщательно подбирали места зимних стоянок. Как правило, это были низины. Все места перемещений были традиционны, закреплены за родами, находились в общем владении рода. Перемещения кочевников с пастбища на пастбище происходили в пределах определенных границ территорий, закрепленных за родами. На традиционные сезонные пастбища калмыки возвращались каждый год.

Размер стойбища/стоянки мог измеряться количеством людей, помещающихся в ее пределах, как, например, в эпическом тексте Джангара: *эрэ баггтмар буурлгсн алвтиг тооһад, Хоңһран герт орулв* ‘обильно угостив подданных, еле разместившихся в его владениях, ввел во дворец легендарного Хонгора’.

Итак, обозначения *гер, малын бээри, зуна/үвлэ буур, адуна зогсал* и т. п. указывают на обжитое, свое пространство, предназначенное для людей одного рода и для принадлежащих данному роду животных.

Анализ ценностного компонента концепта «нүүдл/кочевье»

Об аксиологии осмысления концепта «нүүдл/кочевье» можно судить по присутствию обозначений концепта в разных жанрах, относящихся к культурно значимым текстам, например, в этикетных формулах, благопожеланиях: *нуухдээн тоостаа, буухдаан утаатаа болтха* ‘чтобы при перекочевке стелилась пыль по земле, а когда располагались станом на жительство, — клубился дым’ [СЯОС, с. 256]. В подобных текстах *тоосн* ‘пыль’ и *утаа* ‘дым’ выступают в качестве символа благополучия, достатка, мирной жизни, счастья калмыка-кочевника: перекочевка ассоциируется с пылью, а «оседание» на стойбище — дымом очага.

При перекочевке на новое стойбище калмыки соблюдали целый ряд обычаев и обрядов, что дает основание считать, что «нүүдл/кочевье» относится к сценарным концептам, для которых характерны определенные порядок и последовательность действий, имеющих ритуализированный характер. Прежде всего, специально определялся день, благоприятный для кочевки. Трогаться с места можно было только в означенный день и лишь в светлое время. Запрещалась кочевка в темное время суток, поскольку считалось, что в это время активизируются темные

силы, шулмусы, которые могут нанести вред людям, скоту, имуществу [7]. Существовал также определенный порядок разбора и сборки кибитки. Следующим важным элементом кочевания было перемещение огня из семейного очага. Поскольку первым делом на новое место перемещался очаг, можно говорить о сакрализации огня из семейного очага как символа обжитого пространства и о ритуализации самого процесса перемещения огня. Об этом свидетельствует и запрет гасить огонь в старом кочевье.

После того как юрта была разобрана, проводился обряд шюр ‘очищение огнем’: разжигался костер, через который поочередно проходили люди, прогонялся скот, пропускались детали кибитки и все имущество семьи [1]. Люди верили, что вся нечисть, которая скапливалась за время проживания на данном кочевье, уничтожалась огнем. После этой церемонии кочевники переезжали на новое место, где тоже совершались последовательно определенные действия: устанавливалась в принятом порядке кибитка, в ней строго с соблюдением гендерного распределения пространства кибитки размещалась домашняя и хозяйственная утварь. Затем на новом кочевье варили чай, произносили благопожелания. Сначала старшие, а за ними все остальные говорили йорял ‘благопожелание’ новому кочевью. Это могли быть как длинные, так и короткие тексты-пожелания, в которых обязательно присутствовали пожелания: *тоосн бүргэж* ‘клубится пыль’ (символ того, что пасутся стада животных и гости посещают кочевье), *утан нүргэж* ‘дым струится’ (символ того, что хозяйка готовит пищу, семья будет накормлена, все будут сыты). Все эти элементы входят в содержательный минимум калмыцкого счастья, связанного с кочевьем. Так, например, они представлены в следующем кратком йоряле: *буухднь утан нүргэж, нүүхднь тоосн бүргэж! Бүүрин буйн-кишиг буугсдн эзднь хальдэж!* ‘пусть над кочевьем струится дым, пусть над кочевьем клубится пыль! Пусть достанется счастье прикочевавшему хозяину!’ [РКР, с. 134].

Существовал и старинный обряд кропления *гер* на новом месте: *эрке, чигээһээн цацаад бүүре йөрээхе* ‘окроплять аракой и кумысом огонь, брызгать вверх и по сторонам, высказывать благопожелания в честь новоселья’ [СЯОС, с. 88]. Большое значение придавалось соседям, с кем рядом предстояло жить на новом кочевье или вместе кочевать на другое место. Так, существовал обычай навещать соседей при перекочевке, а также во время праздников, поскольку считалось, что *өөре хошаа икер бүүртээ үкедег эмдерхедээн аме холвогсан* ‘они связали свою судьбу с соседями и ближними кочевьями как в смерти, так и в жизни’ [СЯОС, с. 88]. Некоторые семьи могли кочевать вместе из года в год. Как правило, это были родственники. В таких *хотонах* ‘стойбищах’ существовал определенный порядок размещения юрт, основанный на старшинстве в родственной иерархии и гендере. В центре *хотона* располагалась *ик гер* ‘большая (старшая, отцовская) юрта’, ниже — юрты женатых сыновей, справа — юрта женатого старшего сына, слева — юрта вдовы-дочери/сестры, младшего сына [7]. Как видим, в размещении юрт в *хотоне* прослеживается пространственное осмысление иерархии «старший–младший», «мужской–женский»: по калмыцкому этикету, правая сторона считается почетнее противоположной [3], является мужской; левая — женской [8, с. 15]. Итак, для сохранения *кишиг* ‘счастья’, *жирһлң* ‘благополучия’ соблюдались определенный порядок разбора и сбора *гер*, последовательность действий при откочевке со старого стойбища и размещении на новом кочевье, которые носили

строго регламентированный характер, а также правила коммуникации с окружающими. Значит, кочевье калмыцким языковым сознанием оценивается как сакральное пространство.

Таким образом, концепт «нүүдл/кочевье» в калмыцком языковом сознании соотносится с местом размещения, связан с идеей передвижения и остановки. Номиналом концепта является имя существительное *нүүдл*. Концепт имеет полевою структуру, ядро образуют обозначения *нүүдл*, *бүүр*, *бууц*, *бэарн*, *зогсал*, *орм*; их дериваты и устойчивые словосочетания, содержащие репрезентанты данного концепта, образуют ближнюю периферию; тексты культуры, ассоциативно связанные с кочевьем, формируют его дальнюю периферию. Образный компонент концепта указывает на обжитое, свое пространство, предназначенное для людей одного рода и животных, принадлежащих данному роду. На высокую оценку кочевья как сакрального пространства указывает ритуализация процесса перекочевки и размещения на новом месте: строгое соблюдение установленных порядков, последовательностей действий, правил коммуникации.

Литература

1. Амур-Санан А. М. Мудрешкин сын. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 203 с. Текст: непосредственный.
2. Барфилд Т. Мир кочевников скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Москва: Изд-во Института Африки РАН, 2002. С. 43–61. Текст: непосредственный.
3. Бентковский И. В. Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь: Издание Ставропольского губернского статистического комитета, 1868. С. 82–104. Текст: непосредственный.
4. Васютин С. А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Барнаул, 1998. 23 с. Текст: непосредственный.
5. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Ленинград: Академия наук, 1934. 223 с. Текст: непосредственный.
6. Дмитриев С. В. Историко-этнографические аспекты политической культуры тюрко-монгольских кочевников: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2000. 21 с. Текст: непосредственный.
7. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. Москва: Тип. Волчанинова, 1893. 75 с. Текст: непосредственный.
8. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. Москва: Наука, 1988. 195 с. Текст: непосредственный.
9. Коган Л. С. Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, 1981. 21 с. Текст: непосредственный.
10. Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. 239 с. Текст: непосредственный.
11. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. Москва: Вост. лит-ра, 1997. 316 с. Текст: непосредственный.
12. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 316 с. Текст: непосредственный.

13. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы: Фонд Нурбулата Масанова, 2011. 735 с. Текст: непосредственный.
14. Сарангаева Ж. Н. Кочевье как этнокультурный концепт. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. 128 с. Текст: непосредственный.
15. Скрынникова Т. Д. Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации / ответственные редакторы Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев и др. Москва: Логос, 2000. С. 344–355. Текст: непосредственный.
16. Скрынникова Т. Д. Основания власти правителя в монгольской политической культуре // Монголика-ХV. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2015. С. 39–44. Текст: непосредственный.
17. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-пресс, 2000. 603 с. Текст: непосредственный.

Словари

- КРС, 1977. Калмыцко-русский словарь. Москва: Русский язык, 1977. 768 с.
КРР, 1993. Калмыцко-русский разговорник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 238 с.
ППЗКРОК, 2007. Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: Джангар, 2007. 839 с.
ССКЯ, 2002. Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2002. 208 с.
СЯОС, 2001. Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
ТСКЯ, 2002. Манджикова Б. Б. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2002. 176 с.
ТСКЯ, 2020. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020. 444 с.
ТСКЯ, 2021–2022. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 томах. Элиста: Калмыкия, 2021. Т. 1. 574 с.; 2022. Т. 2. 590 с.

Статья поступила в редакцию 03.09.2023; одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 23.10.2023.

THE CONCEPT OF "NÜÜDL/NOMAD MIGRATION"
IN THE LINGUISTIC CULTURE OF THE KALMYKS

Tamara S. Yesenova

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

Head of Russian Language and General Linguistics Department,

Russian and Foreign Literature

Gorodovikov Kalmyk State University

11 Pushkina St., 358000 Elista, Russia

esenova_ts@mail.ru

Abstract. The article studies the description of the conceptual, figurative, and evaluative components of the concept "nüüdl/nomad migration," which occupies an important place in the worldview of the Kalmyks, determining the relevance of the undertaken research. The study material consists of data from lexicographical sources of the Kalmyk language. The research methods include lexical-semantic and linguocultural analysis of linguistic units that are part of the lexical-semantic field of the concept "nüüdl/nomad migration." The analysis

has shown that in the Kalmyk language consciousness, nomad migration is associated with the location of a nomadic camp and is connected to the idea of movement and stopping. The nominant of the concept is the noun *nuudl*. The concept has a field structure, where the core consists of designations such as *nüüdl* (нуудл), *büür* (бүүр), *büüts* (бүүц), *bäärn* (бээрн), *zogsal* (зогсал), *orm* (орм); their derivatives and collocations containing representatives of this concept form the close periphery; cultural texts associated with the nomad migration phenomena form its far periphery. The figurative element of the concept indicates a settled, one's own space intended for people of the same kinship and animals belonging to that kinship. The ritualization of the nomad migration process and settlement in a new place illustrates a high evaluation as a sacred space: strict adherence to established orders, sequences of actions, and rules of communication.

Keywords: nomad migration, cultivated space, concept, semantics, movement, stop-over, lexical-semantic field, concept core, periphery, the Kalmyks.

Acknowledgments

The research was carried out with the financial support from the RSF as part of the project "Axiological Aspect of the Kalmyk Worldview" (No. 23-28-0790).

For citation

Yesenova T. S. The Concept of "Nüüdl/Nomad Migration" in the Linguistic Culture of the Kalmyks. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2023; 4: 51–58 (In Russ.).

The article was submitted 03.09.2023; approved after review 02.10.2023; accepted for publication 23.10.2023.